

КОНСТАНТИН РЕВЕРСКИЙ

АТЕЛЬЕ «НЕ ВАШЕ ДЕЛО»

ПЛАТЬЕ НА ЧУЖИЕ ПОХОРОНЫ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

КНИГА ПЕРВАЯ

Константин Реверский

Платье на чужие похороны

«Автор»

2026

Реверский К.

Платье на чужие похороны / К. Реверский — «Автор», 2026

В ателье «Не ваше дело» приходят с любыми просьбами. Подшить брюки, укоротить рукава, спасти платье перед важным вечером. Но однажды незнакомка приносит чёрное траурное платье и просит вшить потайной карман для конверта. К пятнице. К похоронам человека, которого она никогда не знала. Зоя Климова, бывший специалист по страховым выплатам, не собирается становиться сыщиком. Ей хватает забот с семейным ателье, упрямой дочерью и клиентами, способными спорить из-за одной пуговицы. Но после загадочной гибели бухгалтера благотворительного фонда обычная квитанция превращается в важную деталь расследования. Почему заказчица назвалась чужим именем? Кто знал о тайном кармане? И какие старые документы оказались опаснее, чем можно было представить? Первый роман серии «Ателье Не ваше дело»: иронический детектив о маленьком городе, семейных тайнах и людях, которые учатся отличать правду от удобной версии событий. При подготовке текста произведения использовался генеративный искусственный интеллект.

© Реверский К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Платье для незнакомца	5
Глава 2. Тихореченск не умеет молчать	9
Глава 3. Слишком много пуговиц	13
Глава 4. Квитанция из пятницы	17
Глава 5. Слова у лестницы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Константин Реверский

Платье на чужие похороны

Глава 1. Платье для незнакомца

Во вторник утром в ателье «Не ваше дело» впервые заказали траурное платье на похороны человека, которого заказчица никогда не видела.

Зоя Климова узнала об этом не сразу. Первые десять минут женщина в сером плаще вела себя вполне обычно: тщательно вытерла обувь о коврик, отказалась от предложенного стула и поставила на прилавок плотный бумажный пакет. Из пакета показалось чёрное платье со старомодным воротником и рядом крошечных перламутровых пуговиц.

— Мне нужно к пятнице, — сказала женщина.

— У нас срочность считается отдельно, — предупредила Любовь Петровна, не поднимая головы от швейной машины. — Особенно если до пятницы осталось всего три рабочих дня и чужая вера в чудеса.

— Я заплачу.

Любовь Петровна посмотрела поверх очков. Деньги она уважала, но чудеса всегда оценивала дороже.

Зоя взяла платье. Ткань была хорошая, плотная, ещё из тех, что не начинают просвечивать после первого знакомства с утюгом. Судя по широким плечам и длинным рукавам, вещь шили лет двадцать назад и носили редко. На левом манжете темнело пятнышко, похожее на след от свечного воска.

— Что надо сделать?

— Укоротить рукава. Убрать здесь, — женщина показала на талию. — И карман внутри. Небольшой. Чтобы поместился конверт.

Зоя подняла глаза. Люди просили карманы для телефонов, ключей, иногда для кошелька. Конверты носили в сумках, и уж точно никто не требовал для них потайного отделения в платье.

— Можно сделать, — ответила она. — Только если конверт толстый, карман будет заметен.

— Он не толстый.

— С документами?

— С бумагами.

В маленьких городах это был почти философский ответ. Документы удостоверяли личность, собственность, родство и право на парковку. Бумаги могли означать всё что угодно, от фотографии школьного выпуска до доказательства, что соседка неправильно оплачивает воду.

— Снимать мерки будем за ширмой, — сказала Зоя.

Женщина кивнула. Когда она распахнула плащ, обнаружилась тонкая фигура с напряжёнными плечами. Седина у висков была тщательно закрашена, а на пальце краснела узкая полоска от снятого кольца.

— Как к вам обращаться?

— Елена.

— Фамилия для квитанции?

— Сорокина.

Зоя записала. Ей было сорок один, и последние пятнадцать лет она работала со страховыми случаями. Когда человек называл себя, она не устраивала допрос. Но иногда в его ответе

появлялась такая пауза, что в голове автоматически открывалась пустая клетка: «Проверить позже».

— Платье для мероприятия? — спросила она, закалывая складку у бедра.

— Для похорон.

— Соболезную.

— Не надо.

— Извините.

Женщина долго смотрела на своё отражение. Зеркало в примерочной было честным до жестокости: показывало и усталость, и складки на одежде, и потерянную пуговицу на чужой уверенности.

— Я покойного не знала, — наконец сказала она.

В ателье смолкла машина. Даже Любовь Петровна, которая могла шить под новости о землетрясении, перестала нажимать на педаль.

— Тогда зачем на похороны? — вырвалось у Зои.

Женщина поправила воротник.

— Мне надо там кое с кем встретиться.

Зоя ждала продолжения, но его не последовало.

— На похоронах обычно бывают люди, — сдержанно заметила Любовь Петровна. — Для встреч есть места повеселее.

— Этот человек в другие места не придёт.

Зоя поняла, что разговор окончен. Она отметила длину рукавов, записала сумму и поставила квитанцию под подпись.

«Е. Сорокина» вывела женщина мелкими прямыми буквами. Подпись была аккуратной, почти школьной. Заказчица расплатилась наличными и уточнила, действительно ли можно будет забрать платье в пятницу утром.

— Утром в девять, — ответила Зоя.

— Нужно раньше.

— Мы открываемся в девять.

— Я могу доплатить.

Зоя успела открыть рот, но Любовь Петровна уже вмешалась:

— В восемь сорок пять. Только если придёте в восемь сорок шесть, мы будем очень оскорблены.

Женщина впервые почти улыбнулась.

Когда дверь закрылась, на стёклах ещё долго дрожал колокольчик. Это был настоящий медный колокольчик с отколотым краем. Тётя Тамара повесила его над входом лет тридцать назад, уверяя, что каждый человек должен сообщать о своём появлении хотя бы одному достойному слушателю.

— День начинается бодро, — заметила Любовь Петровна.

— У нас каждый день начинается бодро. Вчера пришёл мужчина и просил увеличить брюки, не меняя размер.

— Это другое. У мужчины были мечты. А у этой — план.

Зоя разложила платье на большом столе. Из внутреннего шва выпал плоский серебряный крючок, явно недавно заменённый. Такие ставили на плотные вечерние вещи. Она записала это на полях карточки заказа: «крючок левый, крепление слабое». Потом перевернула платье и заметила, что старый карман на подкладке давно зашили — не фабричным стежком, а вручную, крупными косыми нитками.

— Ты не хочешь спросить, зачем ей второй тайник? — поинтересовалась Любовь Петровна.

— Я шью карманы, а не исповедую заказчиков.

— А бывшая твоя профессия?

— Страховые выплаты. Не частный сыск.

— И чему ты там научилась?

— Тому, что не бывает мелких цифр. И тому, что нельзя верить подписи, если человек смотрит не на документ, а на выход.

Любовь Петровна довольно хмыкнула. Она любила ловить Зою на том, что та всё равно замечает слишком много.

В половине одиннадцатого в ателье заглянул Тимур с соседней пекарни. Принёс четыре булочки и известие, что городская площадь опять перекопана. Булочки были тёплыми, известие — старым.

— Ты слышала про Соболева? — спросил он, наливая себе чай из чайника, который числился собственностью ателье, но фактически принадлежал всему дому.

— Какого Соболева?

— Анатолия Павловича. Дом-музей, фонд старых фотографий. Умер в воскресенье. Прощание в пятницу.

Любовь Петровна подняла голову. Зоя тоже.

— Что? — спросил Тимур.

— Ничего, — одновременно ответили обе.

Он посмотрел на платье, на квитанцию, на их лица.

— Вижу, ничего у вас очень интересное.

На полях заказа Зоя без всякой разумной причины нарисовала маленький вопросительный знак.

* * *

Когда женщина в сером плаще вышла, Зоя ещё минуту держала в руках мерную ленту. Потом аккуратно смотала её, хотя обычно бросала на край стола.

— Она попросила не писать назначение кармана в квитанции? — спросила Любовь Петровна.

— Нет. Попросила не спрашивать, что будет внутри. Это не одно и то же.

Портниха осмотрела платье на свет. Ткань была добротной, но давно не новой; старую подкладку однажды уже распарывали по шву. Зоя спросила, не опасно ли делать там дополнительную строчку.

— Если шить наугад, опасно. Если сначала измерить и наметить, обычная работа.

— И сколько времени?

— До пятницы успеем. Если ты перестанешь допрашивать платье вместо меня.

Зоя принесла чистый бланк и уточнила стоимость. Клиентка внесла предоплату, оставила телефон и расписалась. Последний шаг Зоя теперь вспоминала особенно отчётливо: рука женщины едва заметно задержалась над графой «фамилия», прежде чем появилась подпись. У любой подписи могут быть причины, которые не касаются того, кто принимает одежду. Зоя когда-то объясняла это новым сотрудникам отдела выплат и всё равно поймала себя на желании рассмотреть движение ручки как улику.

— Значит, карман нужен для письма, — предположила Любовь Петровна.

— Для конверта. Не обязательно с письмом.

— Бывают пустые конверты. Плохой подарок на свадьбу, зато лёгкий для пошива.

На улицу вышел мужчина с телефоном у уха, заглянул в ателье и тут же исчез из виду. Зоя невольно повернулась вслед. Портниха заметила.

— Тебе теперь каждый прохожий подозрителен?

— Только те, которые останавливаются возле витрины и ничего не покупают.

— Тогда нам придётся посадить под наблюдение половину города. Люди просто смотрят. Мы для этого и витрину сделали.

Зоя вернулась к заказу. Среди требований был маленький внутренний карман под конверт; ткань должна была сохранять форму, чтобы снаружи ничего не выделялось. Она предложила сделать пробный образец на обрезке подкладки и показать клиентке перед окончательной работой, если та придёт. Любовь Петровна одобрила: любой сложный шов безопаснее сначала проверить.

В обед Катя прибежала за забытыми карандашами. Узнала, что на пятницу появился срочный заказ, и попросила посмотреть платье.

— Оно для похорон. Что тут смотреть?

— Как раз интересно, — сказала дочь. — Чёрный цвет не значит, что всё обязано быть скучным. У него есть фактура, силуэт, возраст. Вы вечно говорите, что одежда должна соответствовать человеку, а потом человек приносит одежду и все замолкают.

Зоя не стала рассказывать, что заказчица собирается на похороны незнакомца. Вместо этого разрешила Кате зарисовать старую линию воротника, не фотографируя бирку и квитанцию. Девочка работала десять минут, а потом вернула платье на вешалку.

— Красиво, — сказала она. — Но такое надевают, когда хотят, чтобы к ним не подходили.

Зоя посмотрела на чёрную ткань. Это было не доказательство, только впечатление семнадцатилетнего человека. И всё-таки она впервые задумалась, что клиентка могла выбирать не наряд для церемонии, а способ остаться незаметной среди других людей.

* * *

К концу рабочего дня Зоя всё-таки проверила телефон, который оставила заказчица. Номер существовал: на звонок ответил автоответчик с обычным сообщением оператора. Она не оставила голосового послания. Договором было предусмотрено, что связываться с клиентом можно по вопросам выдачи, но до пятницы никакой срочности не было.

— Ты словно ждёшь, что на другом конце трубки тебе расскажут детектив, — заметила Любовь Петровна.

— Я хочу убедиться, что мы правильно записали номер.

— И убедилась?

— Да.

— Тогда зачем ещё десять раз смотришь на экран?

Зоя выключила телефон. Было неприятно признать: дело не в номере. Ей хотелось понять, почему заказчица так нервничала, назвав имя покойного, хотя перед этим спокойно обсуждала цену ниток. Но она не спросила тогда, в момент разговора, и не имела права требовать признания теперь.

На улице остановилась пожилая женщина. Увидела в витрине чёрное платье и попросила убрать его: «Праздник же скоро, плохая примета». Зоя ответила, что это клиентская вещь и с витрины её уже убрали. Женщина ушла недовольная.

— Видишь, — сказала Любовь Петровна. — Вчера всем не нравилось, что у нас яркий манекен, сегодня не нравится чёрная ткань. Если ориентироваться на каждого прохожего, останемся с пустой витриной.

Зоя согласилась и снова открыла книгу заказов. Срочная работа требовала точной суммы предоплаты, номера квитанции и обещанного срока. В этих графах пока всё было ясно. Она перечитала фразу «внутренний карман, не видимый с лицевой стороны» и перестала придумывать, что туда собираются положить. Если понадобится уточнение, клиентка ответит сама. А если не ответит, это будет её выбор, не загадка, которую ателье обязано разгадать.

Глава 2. Тихореченск не умеет молчать

Зоя уехала из Тихореченска в двадцать три года, когда ей казалось, что все люди в провинциальных городах знают друг о друге слишком много. Вернулась в сорок один и обнаружила, что ошибалась. Они знали ещё больше, просто теперь обменивались сведениями не у подъездов, а в районных чатах.

В её телефоне насчитывалось три таких чата. Один посвящался отключениям воды, другой потерянными животным, третий назывался «Наш Тихореченск без политики» и содержал преимущественно политику, объявления о продаже кабачков и драки из-за парковки.

К полудню в третьем чате было уже шестьдесят семь сообщений о похоронах Анатолия Соболева. Почти половина касалась его наследства. Остальные — вопроса, кому поручат выступить с речью. О самом покойном вспоминали гораздо меньше.

Соболев был человеком заметным. Он восстановил старый особняк купеческой семьи, собирал городские фотографии и организовывал выставки. В девяностые люди считали его чудачком. Потом выяснилось, что на старых снимках тоже можно зарабатывать, особенно когда кому-нибудь понадобятся доказательства, что его прадед жил в приличном доме.

— Хороший был мужик, — сказал Тимур, отправляя в рот половину булочки.

— Ты его знал?

— Он покупал у меня ржаной хлеб. Хорошему человеку не обязательно дружить с пекарем. Достаточно не просить скидку на один батон.

Любовь Петровна одобрительно кивнула. Она всю жизнь подозревала людей, которые торговались из спортивного интереса.

— Фондом после него управляет Инна Громова, — добавил Тимур. — Строгая. К ней даже дождь стучится по записи.

— Откуда ты знаешь?

— Она два года назад проводила благотворительный вечер в особняке. Заказала у нас сто пирожков, получила сто, а в накладной обвела красным, что один был меньше остальных.

— Может, он действительно был меньше?

— Был, — признался Тимур. — Но мне не понравился принцип.

После его ухода Зоя достала заказ Сорокиной. В графе телефона женщина оставила номер, в графе адреса — прочерк. Внутренний карман нужен был слева. У Зои уже чесались пальцы проверить зашитую подкладку, но она прижала её утюгом и принялась распарывать ровно столько, сколько требовалось для работы.

— Не лезь в старый карман, — сказала Любовь Петровна.

— Я и не собиралась.

— Так я и вижу. У тебя лицо становится таким же, как у моей сестры перед чужой перепиской.

Работа успокаивала. Узкая линия мела, ткань под ножницами, запах пара. Ничего здесь не зависело от страховой компании, где её последним рабочим заданием было объяснить пятидесяти двум людям, почему после затопления они получают компенсацию за потолок, но не за обои. Зоя знала, что письма были юридически выверены. От этого они не становились человечнее.

В два часа пришла Катя. Дочь училась в одиннадцатом классе, собиралась поступать на дизайн и считала, что в Тихореченске можно умереть от скуки ещё до выпускных экзаменов.

— Ты обещала зайти в школу, — сказала она с порога.

— В четверг.

— Сегодня четверг у всех остальных?

Зоя вздохнула. Во вторник в расписании стояла встреча с классной руководительницей. Она действительно забыла.

— Позвоню вечером.

— Ты так сказала в прошлый раз.

— В прошлый раз я позвонила.

— Когда она уже ушла в отпуск.

Катя сняла рюкзак и посмотрела на раскроенное платье.

— Это что, театральный реквизит?

— Нет. Заказ на похороны.

— А почему вы делаете тайный карман? Чтобы спрятать в нём чью-нибудь фотографию и потом драматично достать?

— Чтобы сделать работу, за которую нам заплатили.

— Очень вдохновляющая история. Можно я поставлю её в портфолио под названием «Мама и смысл жизни»?

Любовь Петровна рассмеялась. Зоя не стала. Ей было неприятно, что дочка всё реже просила совета и всё чаще разговаривала как человек, который уже заранее подготовился к отказу.

Катя достала из рюкзака рисунки: несколько эскизов пальто с асимметричными воротниками. Зоя смотрела внимательно, хотя знала про дизайн меньше, чем про условия страхования. Один воротник был явно неудобен, но в изображении на бумаге появлялся характер.

— Вот это хорошее, — сказала она.

— Правда?

— Только если человек повернёт голову, воротник может стукнуть его по уху.

Катя улыбнулась, словно не хотела улыбаться, но не успела остановиться.

Ближе к вечеру в ателье вошла Инна Громова. Зоя узнала её по городским фотографиям, которыми был переполнен интернет после смерти Соболева. Высокая женщина в бежевом пальто говорила тихо и не делала ни одного лишнего движения.

— У вас можно укрепить пуговицу? — спросила она. — Желательно до пятницы.

— Можно, — ответила Любовь Петровна. — Вы у нас самая популярная дата на этой неделе.

На манжете пальто одна из крупных тёмных пуговиц держалась на единственной нитке. Зоя подставила ладонь, чтобы та не оторвалась.

— Лучше укрепить обе, — сказала она. — Вторая тоже скоро сдастся.

— Только эту. Время ограничено.

Пока Любовь Петровна доставала нитки, Инна внимательно рассматривала чёрное платье на манекене.

— Необычная модель.

— Вещь с историей, — осторожно сказала Зоя.

— Для чьего-то траура?

— У нас не принято рассказывать о заказчиках.

Инна чуть улыбнулась.

— Благородное правило. Для маленького города почти вызывающее.

Ожидая сдачу, Инна на секунду перевела взгляд на раскрытую книгу заказов, лежавшую у кассы. Зоя машинально закрыла её: у всех клиентов должно быть право на тайну.

Она расплатилась, забрала пальто и оставила визитку фонда: «Дом Соболева. Программы наследия и реставрации». На обратной стороне от руки было написано время церемонии: пятница, двенадцать часов.

— Если вам когда-нибудь понадобится информация о городе, — сказала Инна, — обращайтесь. Только заранее.

После неё остался лёгкий запах дорогого средства для волос и почему-то раздражение, будто Зою проверяли на уроке, к которому никто не предупреждал готовиться.

Когда до закрытия оставалось двадцать минут, зазвонил телефон. Незнакомый женский голос спросил, готов ли заказ Елены Сорокиной.

— В работе. Забрать можно в пятницу утром.

— Пожалуйста, не отдавайте его раньше, — сказала женщина.

— Простите, а вы кто?

— Просто передайте.

Связь оборвалась.

Зоя некоторое время держала телефон у уха. В ту же минуту дверной колокольчик звякнул ещё раз. На пороге стояла Катя, вернувшаяся за забытым блокнотом.

— Мам, у тебя вид, как будто кто-то попросил пришить карман к воздуху.

— Хуже, — сказала Зоя. — У нас появился клиент, которого я не могу найти в нашей книге заказов.

* * *

По дороге домой Зоя столкнулась с женщиной из своего прежнего класса. Та узнала её не сразу, потом за две минуты выяснила, где Зоя работает, замужем ли и собирается ли снова уезжать.

— Ты, наверное, не скучаешь в Москве? — спросила знакомая, хотя Зоя уже несколько раз сказала, что из города переехала окончательно.

— Пока нет. У нас большой ассортимент молний.

— Как мило! Ты всегда была способная. А бывший муж помогает?

Зоя чуть не рассмеялась от скорости, с которой разговор перескочил с швейной фурнитуры на семейный бюджет.

— С Катей он общается, — ответила она. — Остальное мы решаем сами.

Женщина сочувственно кивнула, словно получила подтверждение собственной версии. На прощание пообещала «никому ничего не рассказывать» и сразу помахала знакомой через дорогу. Зоя поняла, что это обещание будет исполнено в лучшем случае до следующей остановки автобуса.

Дома Катя сидела перед ноутбуком. На экране была страница учебного заведения с заданиями для творческого конкурса. Зоя прочитала условия, отметила даты и спросила, какой пакет документов требуется.

— Мам, я ещё выбираю. Мне нужно сначала решить, хочу ли туда, а не собирать справку о том, что умею хотеть.

— Я просто пытаюсь помочь.

— Тогда посмотри мой эскиз и скажи, что думаешь. По существу, не о сроках.

Зоя села рядом. На рисунке были две фигуры в одинаковых пальто, но одна стояла прямо, другая ссутулилась. Катя хотела показать, как одежда меняет человека не сама по себе, а вместе с его движением.

— Слишком много деталей у воротника, — сказала Зоя. — Туда будет трудно пришить подкладку.

— Это рисунок.

— Ты спрашивала по существу.

Катя неохотно признала, что замечание полезное. Затем показала второй вариант, где воротник был проще. Зоя вдруг вспомнила, как сама в молодости просила мать оценить её планы, а получала список потенциальных рисков. Она поняла, почему дочь порой закрывала ноутбук ещё до начала разговора.

— Первый мне всё равно интереснее, — сказала Зоя.

— Правда?

— Правда. Но я не знаю, можно ли его сшить.

— Я тоже. Поэтому и учиться собираюсь.

Пока варили ужин, Катя спросила о новых клиентах. Зоя рассказала только о сложном подоле и мужчине, который хотел сделать старые брюки «как новые, но без следов ремонта». О женщине с чёрным платьем умолчала. Ей самой ещё было непонятно, почему тот заказ занимал больше места в мыслях, чем обещанная срочная работа.

Перед сном она проверила оплату по всем принятым заказам. В прежней жизни отчёты уходили в систему с напоминаниями и автоматической проверкой. Здесь записи держались на аккуратности трёх женщин и тётиной привычке подписывать конверты. Зоя не была уверена, что сможет сохранить мастерскую. Но впервые за много месяцев задачи казались ей реальными: завтра купить молнии, договориться о ремонте утюга, позвонить поставщику. Это было мало похоже на карьерный успех и гораздо больше походило на собственную жизнь.

Глава 3. Слишком много пуговиц

В среду Сорокина не пришла и не позвонила. Зато с утра начался дождь, и все посетители сочли своим долгом сообщить Зое, что осень наступила внезапно. Это было странное открытие для октября, но спорить с клиентами ателье не полагалось.

В одиннадцать Зоя закончила потайной карман. Он получился плоским, с застёжкой под складкой, незаметным даже при движении. Никакого волшебства: тонкая подкладочная ткань и точная строчка. Ей понравилась собственная работа, что случалось не так уж часто за последнее время.

— Будешь заставлять клиентку демонстрировать? — спросила Любовь Петровна.

— Зачем?

— Чтобы люди видели качество. А то одни просят зашить дырку, другие скрыть целое государство.

К обеду прибежал Тимур с новостью: на кладбище рядом с могилой Соболева нашли свежие цветы, хотя хоронить его собирались только через два дня. Любовь Петровна сообщила, что цветы относятся к делу не больше, чем мороженое к снегопаду, и предложила Тимуру лучше проверить проводку в хлебной печи.

Зоя слушала вполуха. Её занимало другое. Вчерашняя незнакомка оставила очень конкретное предупреждение: «Не отдавайте раньше». Почему ей важно, чтобы платье не попало к заказчице до пятницы? И откуда она вообще знает, что оно лежит именно здесь?

— Клиентка могла кому-нибудь сказать, — предположила Любовь Петровна, когда Зоя поделилась тревогой.

— Тогда почему не позвонить ей самой?

— Может, они поссорились. Люди для этого телефон и придумали.

Зоя позвонила по номеру из квитанции. После третьего гудка ей ответила женщина.

— Елена? Это ателье. Ваш заказ почти готов. Нам вчера звонили по поводу платья. Вы просили кого-нибудь?

В трубке стало тихо.

— Кто звонил?

— Женщина. Имени не назвала.

— Что сказала?

Зоя повторила фразу.

— Не отдавайте платье никому, кроме меня, — быстро произнесла заказчица. — И, пожалуйста, не рассказывайте, что я приходила.

— Мы и не рассказываем.

— Хорошо. Спасибо.

— Подождите. Мы ведь можем закончить раньше, если вам нужно.

— Не нужно. В пятницу. В восемь сорок пять.

На этот раз голос был ровным, но Зоя уловила в нём усилие. Как будто женщина следила не за её словами, а за тем, чтобы не выдать свои.

Зоя закрыла книгу заказов. Иногда самое неправильное в расследовании начиналось с того, что человек принимал любопытство за право вмешиваться. Она хорошо помнила этот урок по страховой работе: подозрительные факты сами по себе ещё ничего не доказывают.

Но проверить, не находится ли клиентка в опасности, имело смысл.

До вечера Зоя несколько раз набирала номер, и несколько раз в трубке звучали короткие гудки. Она не стала оставлять сообщения. Вместо этого заперла платье в шкафу и убрала квитанцию в ящик с запиравшимся замком.

В четверг утром в мастерскую зашёл следователь Артём Воронцов. Он учился с Зоей в параллельном классе, а затем сделал карьеру человека, которому в городе звонили, если кто-то пропал, украл или настойчиво отрицал очевидное. Воронцов был достаточно опытен, чтобы не устраивать спектакль при входе в помещение.

— Доброе утро. У вас ещё работает тётя Тамара?

— После операции дома, — сказала Зоя. — А что?

— Пришёл спросить, не видели ли вы мужчину, который неделю назад заходил с папкой на молнии. Высокий, чуть сутулый. Николай Кравцов.

Любовь Петровна отрицательно покачала головой.

— А чем он занимался? — спросила Зоя.

— Документами фонда Соболева. У нас пропал на пару дней. Родственники беспокоятся.

Слова «пропал на пару дней» прозвучали буднично. Зоя вдруг подумала о конверте, для которого шила потайной карман.

— Вы сейчас знакомых Соболева обходите?

— В том числе.

— Инна Громова у нас во вторник была. Манжету ремонтировали.

Воронцов поднял глаза.

— Я не спрашивал об Инне Громовой.

— А я не сообщала ничего важного. Люди часто чинят одежду.

— Это верно. — Он не улыбнулся. — Если вспомните Кравцова, позвоните мне. И никому не отдавайте сведения о чужих заказах, кроме самих заказчиков.

Зоя проводила его взглядом.

— Хороший мальчик вырос, — заключила Любовь Петровна. — Хотя у нас все хорошие, пока не начнут задавать вопросы.

На пороге Воронцов задержался и посмотрел на вывеску над дверью.

— Подходящее название, — заметил он. — «Не ваше дело».

— Тётя Тамара придумала.

— Умная женщина.

Когда он ушёл, Зоя вынула из шкафа чёрное платье и провела рукой по манжете, где утром укрепляла крючок. Её внимание привлекло то, на что прежде не хватило времени: старый шов вокруг кармана не был ровным. Ткань явно распарывали и зашивали снова. Причём не один раз.

Зоя не стала открывать его. Перед ней лежала чужая вещь, и любой лишний стежок мог разрушить чью-то тайну. Но она аккуратно сфотографировала видимый шов, чтобы позже показать заказчице и предложить ремонт.

В пятницу в восемь сорок пять заказчица не пришла.

В восемь пятьдесят телефон ателье зазвонил.

— Это полиция, — сообщил незнакомый мужской голос. — Нам нужно уточнить одну квитанцию. Вы работали с заказом на имя Елены Сорокиной?

Зоя посмотрела на закрытую дверь. За окном на мостовой лежали жёлтые листья, в дождевых лужах отражалась реклама цветочного магазина.

— Да, — ответила она. — А что произошло?

— Мы приплём сотрудника. Не удаляйте записи и пока никому не выдавайте платье.

В приёмной повисла тишина.

— Любовь Петровна, — тихо сказала Зоя, — кажется, у нас всё-таки появилось дело, которое не наше.

— Значит, хорошо бы вернуть его владельцу, — сказала портниха, не отвлекаясь от машинки. — Только сначала выясни, жив ли владелец.

* * *

Инна Громова появилась в ателье с бежевым пальто на сгибе руки, словно несла не вещь в ремонт, а деловую папку. На воротнике неоставало пуговицы, и подкладка возле шва начала расходиться.

— Простая работа, — сказала она. — Нужно до завтра, я выступаю на мероприятии фонда.

Любовь Петровна взяла пальто и обнаружила, что одна из оставшихся пуговиц держится на двух нитках. Предложила укрепить все сразу.

— Сколько это стоит?

— Недорого. Но будет стоить дороже, если потом придёте с оторванным воротником, — сказала портниха.

Инна чуть улыбнулась и согласилась. Пока оформляли заказ, Зоя заметила, что гостья задержала взгляд на открытой странице книги. Там лежала квитанция чёрного платья, ещё не подшитая в папку. Зоя закрыла журнал и продолжила разговор о сроке.

— Вы недавно открылись? — спросила Инна.

— Мастерская работает много лет. Я недавно вернулась управлять вместо тёти Тамары.

— Слышала. Она сильная женщина, много сделала для города.

— Да. Особенно для людей, которым срочно нужно что-нибудь подшить перед выступлением.

Громова перевела взгляд на пальто. Ей явно не понравилось, что комплимент не превратился в подробный разговор о частных делах.

— Наш фонд поддерживает ремесленные мастерские, — сказала она. — Возможно, когда-нибудь обсудим сотрудничество.

— Спасибо. Пока у нас достаточно заказов, а вот оборудование иногда подводит.

— Тем более. Оставлю визитку.

После её ухода Любовь Петровна присмотрелась к строчке возле ворота. Пуговица была другого оттенка, чем остальные. Пришлось искать подходящую в коробке с запасами.

— Видишь, — сказала портниха. — Никто не замечает половину мелочей в собственном пальто, зато чужие документы умеют читать прямо с порога.

— Думаешь, она специально смотрела?

— Думаю, она ждала у прилавка, а журнал лежал открытым. Всё остальное ты только что придумала.

Зоя хотела возразить, но вовремя остановилась. Слова были неприятными, потому что верными. Она убрала бланки в ящик и поставила на стол отдельную подставку для заполняемых квитанций, чтобы их не видели следующие посетители.

Вечером анонимный звонок с просьбой не выдавать чёрное платье раньше срока снова заставил её вспомнить визит Инны. Зоя записала точные слова, не добавляя в журнал предположение о голосе. Потом позвонила тёте Тамаре и спросила, как в мастерской раньше хранили книги заказов.

— Под прилавком, — ответила Тамара. — А если кто-то слишком заглядывал, Любовь Петровна предлагала ему работу бухгалтера. Обычно желающие быстро уходили.

Зоя спросила, есть ли смысл менять порядок хранения. Тамара рассмеялась и посоветовала начать хотя бы с закрытого ящика. Это было решение, которое не требовало расследования чужих намерений.

* * *

После закрытия Зоя проверила рабочие сообщения. От Инны Громовой пришло короткое «Спасибо за помощь, до завтра», затем новая заявка на сайте ателье: неизвестный посетитель интересовался, можно ли срочно ушить пиджак к пятнице. Никакой связи между двумя обращениями не было, но Зоя уже поймала себя на желании такую связь найти.

Она спустилась в подсобку за чистыми бланками. Там Любовь Петровна пересчитывала запас подкладочной ткани и ругалась с калькулятором.

— У тебя столько записей, что можно отдельно издать книгу о пуговицах, — сказала Зоя.

— А у тебя столько вопросов, что скоро никто не будет приносить к нам одежду. Все будут бояться допроса.

Зоя молча взяла нужную пачку и заметила, что за вчерашний день сама трижды меняла место журнала заказов. Сначала он лежал открытым у кассы, потом на раскройном столе, вечером она убрала его в ящик. Установить, кто именно мог увидеть строку о платье, было не так просто, как казалось утром.

— Скажи, кто заходил, когда я ушла за молниями?

— Мужчина с пальто, женщина с брюками, курьер из химчистки. Ещё одна посетительница спрашивала, мы ли делаем карманы в пальто. Я ответила, что делаем. И что?

— Ничего. Я просто пытаюсь восстановить день.

— Тогда восстанови и тот момент, когда мы делали работу, а не слушали чужие разговоры. Это занимает примерно восемь часов.

Зоя закрыла блокнот. Запоминать имена и действия из интереса к заказу можно бесконечно, но в итоге рискуешь перепутать настоящее наблюдение с собственным желанием объяснить странность. Она поставила на новый ящик замок и написала простое правило: заполнять журнал на стойке, затем сразу убирать. Не из-за конкретной клиентки и не из страха перед проверкой. Просто так было правильно.

Уже дома Катя показала эскиз пальто с дополнительным внутренним карманом. Зоя рассмеялась так неожиданно, что дочь насторожилась.

— Что не так?

— Ничего. У нас сегодня весь город решил, что вещи без карманов существовать не могут.

— Это же практично, — возразила Катя. — Если у тебя нет места для ключей, ты либо потеряешь их, либо будешь весь день искать в сумке.

Зоя согласилась. Кто-то носит в кармане ключи, кто-то записку, кто-то пустой конверт. Не всякий секрет был преступлением, но не всякую странность следовало сразу забывать.

Глава 4. Квитанция из пятницы

В девять двадцать пятничного утра в ателье вошёл мужчина, который не смотрел на манекены. Обычно посетители всё-таки оценивали вещи в витрине, хотя бы из вежливости. Этот сразу показал удостоверение.

— Младший лейтенант Грачёв. Вы Климова Зоя Александровна?

— Если вы из налоговой, Зои Александровны сегодня нет, — сказала Любовь Петровна, не отрываясь от швейной машины.

— Я по другому вопросу.

— Тогда она здесь, — милостиво разрешила портниха.

Грачёв улыбнулся не сразу. Достал из папки бумагу и придвинул по прилавку к Зое. В документе просили предоставить сведения о заказе на имя Елены Сорокиной: время обращения, номер телефона, описание вещи. Зоя внимательно прочитала основание, спросила, можно ли сфотографировать запрос для учёта, и получила короткое «да».

— Заказ номер пятьсот двадцать семь, — сказала она. — Принят во вторник. Платье готово. Клиентка должна была забрать его в восемь сорок пять, но не явилась.

Грачёв открыл блокнот.

— Мы просим сохранить оригинальную квитанцию и не менять записи. Копию сможете дать?

— Сделаю при вас. А платье?

— Пока ничего с ним не делайте. Если потребуется изъятие, оформим отдельно.

Зоя почувствовала облегчение от того, что он не попросил отдать ему вещь просто под честное слово. В страховых делах одна исчезнувшая бумага могла превратить несчастный случай в десятилетний спор. Она отсканировала лист, распечатала копию, проставила дату передачи на своём экземпляре и передала офицеру только то, что значилось в запросе.

— Вы знакомы с Сорокиной? — спросил Грачёв.

— Она приходила первый раз. Имя назвала сама. Личность мы не устанавливаем, у нас ремонт одежды, не банк.

— Что-нибудь необычное?

Зоя посмотрела на закрытый шкаф.

— Просила сделать внутренний карман, чтобы туда поместился конверт. Хотела получить вещь до открытия. И ещё была женщина, звонила без представления. Просила раньше времени платье не выдавать.

— Кто-нибудь мог знать о заказе?

— У нас люди заходят. На прилавке лежала книга. Я её закрыла, когда заметила, что посетительница смотрит туда.

— Кто именно?

— Инна Громова. Приносила пальто. Если вас интересует, какое, бежевое. Пуговицу укрепляли.

Младший лейтенант поднял глаза, но не дал понять, важно это или нет.

— Давайте номер телефона, с которого поступил звонок, если сохранился.

— Он скрытый. В списке так и написано.

Грачёв записал. Вежливо поблагодарил и вышел. Колокольчик над дверью звякнул, а Любовь Петровна отключила машинку.

— Так. Для начала отлично, — сказала она. — Пятница, девять тридцать, за платьем никто не явился, зато полиция получила копию счёта. При таком темпе мы к понедельнику станем министерством.

— Не шути.

— Вот потому и шучу. Кто-то же должен выполнять работу бесплатно.

На телефон Зои пришло сообщение от Кати: «Я сегодня после школы к Наде. Не проверяй каждые полчаса». В конце стояло сердечко, которое могло быть как знаком любви, так и дипломатическим перемирием. Зоя набрала «Хорошо». Удалила. Написала: «Вернёшься во сколько?». Снова удалила и в итоге отправила «Договорились».

— Смотри-ка, — сказала Любовь Петровна. — Взрослеешь.

— На три сообщения потратила шесть минут. Я регрессирую.

За работой время потянулось обычно: пришли подшить брюки, заменить молнию на куртке, заузить школьный пиджак. Последний клиент хотел, чтобы пиджак стал на два размера меньше и оставался просторным. Любовь Петровна предложила сначала договориться о законах физики.

В половине двенадцатого позвонила заказчица. Голос был тот самый, сухой, тщательно удерживаемый от волнения.

— Елена? — спросила Зоя. — Вы сегодня не пришли.

— Я не успеваю.

— Платье готово. И должна предупредить: к нам обращалась полиция по вашему заказу.

На другом конце раздалось шуршание. Как будто женщина перехватила телефон другой рукой.

— Что вы им отдали?

— Копию квитанции по официальному запросу. Никаких вещей.

— Вы правильно сделали, — сказала женщина, и эта похвала почему-то неприятно задела Зою. — Пожалуйста, сохраните платье. Я объясню позже.

— Я должна знать, когда вы заберёте его. У нас склад не бесконечный.

— Завтра. Если получится, завтра утром.

— Вы в порядке?

Женщина помолчала.

— Пока да.

Разговор оборвался. Любовь Петровна подняла глаза на хозяйку, которая всё ещё стояла с телефоном у уха.

— Она хотя бы жива?

— Да.

— Уже достижение. У нас сегодня плохая статистика по ожиданиям.

В обед Тимур пришёл забрать скатерти, которые ателье подшивало для его пекарни. Он говорил быстро, поглядывая на часы. На церемонию Соболева ему нужно было доставить корзины с выпечкой и напитками; машину уже ждали.

— Заберёшь позже, — сказала Зоя, передавая сложенные скатерти. — Я ещё проверю края.

— Тогда после двух. У меня доставка, расписываются строго по времени. От фонда уже третий раз звонили: сначала сказали к одиннадцати, потом к половине двенадцатого, теперь хотят до двенадцати. У них покойный, а график живёт насыщенно.

— Тимур, — попросила Зоя. — Только не шути на церемонии.

— Серьёзное лицо у меня в стоимость доставки входит.

Он исчез, оставив на прилавке ещё тёплую плюшку. Зоя завернула её в салфетку для Кати. В четырнадцать пятнадцать дочь написала, что будет поздно. Зоя ответила одним смайликом и вдруг обнаружила, что может пережить вечер без полного отчёта о передвижениях ребёнка.

В половине пятого вновь зазвонил телефон. На этот раз Артём Воронцов.

— Зоя, вы всё сделали правильно с запросом. Только просьба: если объявится заказчица, не устраивайте расследование самостоятельно. Просто запишите, что она сказала, и предупредите меня.

— А что произошло?

— Пока разбираемся.

Он произнёс это так, что Зоя поняла: произошло нечто серьёзное. Но ни слова больше из него не вышло. И она не стала вытягивать.

Любовь Петровна тем временем закрыла шкаф с чёрным платьем на ключ. Повесила бирку «527», проверила замок и положила ключ в небольшую жестяную коробку, где у Тамары хранились запасные иглы. Зоя убрала коробку под кассу.

— Мы от чужих дел держимся подальше, — сказала портниха.

— Стараемся.

— Стараемся плохо.

Зоя не возразила. Она смотрела на аккуратную заведённую квитанцию. Там было всё, что требовалось обычному заказу: имя, размер, сумма, время выдачи. Только ни одна графа не объясняла, зачем человек так отчаянно хотел попасть на чужие похороны с пустым потайным карманом.

* * *

К обеду у них появился ещё один посетитель, которому требовалось разговаривать исключительно с начальством. Зоя услышала эту фразу из подсобки и вышла с калькулятором в руке.

Мужчина в клетчатом пиджаке поставил на прилавок мешок с костюмом.

— Мне завтра выступать, а в прошлом ателье сказали, что плечи не исправить. Вы же не будете сдаваться раньше времени?

— Сначала посмотрим, с чем вы пришли, — сказала Зоя.

Любовь Петровна развернула пиджак и сразу нашла заколотую подкладку. Мужчина нетерпеливо выдохнул.

— Долго?

— Долго объяснять, почему чужую работу нельзя обещать переделать за полчаса. А плечи посмотреть можно быстро.

Он терпел примерку четыре минуты. На пятой спросил, не звонила ли полиция по поводу траурного платья. Зоя подняла голову.

— А почему вы интересуетесь?

— В городе только об этом и говорят. Я вообще не сплетник. Но моя жена вчера сказала, что у вас тут какой-то розыск. Мне просто интересно, безопасно ли оставлять вещи.

Зоя почувствовала знакомое желание рассказать всё по порядку, чтобы прекратить слухи. Когда-то на прежней работе она точно так же разъясняла раздражённым клиентам чужие истории, не называя фамилий. Позже начальница объяснила, что описание обстоятельств без имени тоже бывает разглашением. Особенно в маленьком городе.

— Вещи у нас хранятся в закрытом шкафу, при выдаче нужна квитанция, — ответила она. — Остальные заказы мы не обсуждаем.

— Значит, слухи правда?

— Значит, ваш пиджак будет готов к шести, если вы согласны на этот вариант ремонта.

Он неохотно согласился. Когда дверь за ним закрылась, Любовь Петровна положила мел на стол.

— Надо было сказать, что мы опаснее банка. Там чужие деньги, а у нас чужие размеры.

— Надо было вообще ничего не говорить.

— Тогда он решил бы, что мы готовим государственный переворот. Тоже реклама, только неприятная.

Зоя внесла цену в журнал. Рядом лежал запрос полиции. Она сложила его не туда, где держали оплаченные квитанции, а в отдельную папку. Два одинаково белых листа могли иметь совершенно разную судьбу, если перепутать их в конце рабочего дня.

Через полчаса Катя пришла после школы, положила на прилавок записку от классного руководителя и попросила подпись на экскурсию в колледж дизайна. Зоя посмотрела дату, стоимость дороги, время возвращения.

— Мам, ты сейчас скажешь, что надо позвонить организатору?

— Нет. Сначала прочитаю.

— Это почти одно и то же, только дольше.

Зоя прочитала условия дважды. Подпись поставила без звонка. Катя посмотрела на неё подозрительно.

— Ты заболела?

— Я упражняюсь.

— В чём?

— В том, чтобы не искать скрытые условия там, где они напечатаны обычным шрифтом.

— Опасный опыт. Предупреди тётю Тамару.

Зоя положила подписанную бумагу рядом с Катиним рюкзаком и заметила, что ей не хочется сейчас говорить о постороннем заказе. Впервые за день это показалось не профессиональной осторожностью, а простым желанием побыть рядом с дочерью, не втягивая её в тревогу взрослых.

Глава 5. Слова у лестницы

В пятницу около половины двенадцатого Тимур доставил к дому Соболева восемь коробок с выпечкой, термосы и скатерти, которые ещё утром забрал из ателье после срочной подгонки завязок. Он расписался в журнале на служебном входе, пересчитал коробки вместе с распорядительницей и отправился к машине.

На участке перед особняком было многолюдно. Люди приходили проститься с Соболевым семьями, кто-то держал цветы, кто-то папки со старыми фотографиями, которые когда-то помогали разбирать на выставках. В обычный день у дома было бы тихо. Сегодня даже парковка стала частью церемонии: гости негромко спорили, можно ли оставлять машины у ограды.

Тимур увидел Инну Громову. Она стояла возле лестницы в бежевом пальто и говорила со служащим фонда. Чуть дальше мужчина в серой куртке держал под мышкой папку на молнии. Тимур не знал этого человека. Он запомнил только неловкую деталь: один край папки был перетянут резинкой, так плотно, что бумаги выгнулись дугой. Пекарю стало жаль папку. Он полжизни боролся с коробками, которые расходились по швам при переноске.

— Простите, где подписать накладную? — спросил он распорядительницу.

Та показала на складной стол у служебного входа. Тимур поставил время сам, сверившись с телефоном: 11:47. Женщина расписалась напротив количества корзин. Он сохранил копию, как сохранял каждую накладную: однажды ему отказались оплачивать сорок пирожков, объяснив, что гости съели их слишком быстро, следовательно, пирожков было мало.

В самом доме готовили зал. Зоя не была приглашена и не собиралась идти. В то время она спорила с пожилым посетителем о том, можно ли надставить рукав кожаной куртки так, чтобы кожа не стала другой на ощупь. Он настаивал на невозможном. Зоя вспоминала у себя в голове слова из прежней работы: «невозможное следует подтверждать письменно».

В двенадцать церемония началась. На открытой странице фонда вели короткую трансляцию выступлений; позже организаторы выложили фотографии. В зале звучали речи о городе и памяти, в соседнем коридоре волонтеры развозили воду, проверяли микрофоны и искали человека, который потерял единственный ключ от подсобки.

Николай Кравцов вошёл через служебную дверь незадолго до двенадцати тридцати. В отличие от гостей с цветами, у него был рюкзак и та самая папка с резинкой. Он не задержался в общем зале. У лестницы кто-то окликнул его негромко, по имени, но расслышать это из соседней комнаты было невозможно.

Около двенадцати тридцати четырёх в служебной части раздался глухой удар. Сначала его приняли за упавший ящик. Обнаружили Кравцова не сразу: дверь к лестнице прикрыли из-за сквозняка, и в общей суете никто не понял, куда он делся. Когда сотрудник фонда открыл её снова, мужчина лежал неподвижно у нижних ступеней. Люди вызвали скорую и полицию. Врачи не смогли его спасти.

В половине второго Тимур позвонила распорядительница: просила срочно найти свою копию накладной. Он не понимал зачем, пока она не сказала, что в доме несчастье и полиция уточняет, кто когда входил. Его первые мысли были безобразно практичными: если объявят запрет на доступ, куда девать возвратную тару? И только после этого пришло осознание, что человек, с которым он почти столкнулся у лестницы, мог больше никогда не прийти за своими бумагами.

Тимур поехал к ателье. Там Зоя отмеряла подкладку для школьного костюма, а Любовь Петровна как раз объясняла клиенту, что «сделайте мне красиво» не является размерной сеткой.

— Зоя, можно на минуту? — спросил Тимур.

По его лицу она поняла, что выпечку сегодня обсуждать не будут.

— На церемонии нашли человека, — тихо сказал он, когда они вышли к задней двери. — Кравцов. Тот, о котором спрашивал твой знакомый. Похоже, упал с лестницы. Умер.

— Ты уверен?

— Со мной разговаривали. Я был там с доставкой. Сказали, если вспомню подробности, позвонить в отдел. Я помню женщину в бежевом пальто. Но таких пальто там было, наверное, пять. И папку у Кравцова помню.

— Не рассказывай никому по городу, что видел, — сказала Зоя. — Сначала следовательно, точно как было.

— А я разве собирался?

— Ты пекарь. Ты разговариваешь с половиной города, пока люди выбирают хлеб.

Тимур поморщился. Предупреждение задело его сильнее, чем Зоя ожидала.

— Я могу молчать, — сказал он. — Потренируюсь на твоём подъёме настроения.

Она хотела извиниться, но он уже ушёл. В дверях его остановила Любовь Петровна:

— Вы булочки опять забыли?

— Сегодня всё забыл, кроме накладной.

Когда дверь закрылась, Зоя вернулась к прилавку. Шкаф с чёрным платьем оставался закрытым. Римма, называвшаяся Еленой, обещала позвонить завтра. Кравцов, которого она хотела встретить на похоронах, теперь никогда не ответит на вопросы.

В пять часов пришло сообщение от Кати: «Можно Нада у нас переночует?». Зоя написала: «Да, если её родители знают». Катя тут же прислала: «Ты заболела?»

Она впервые за этот день улыбнулась. А потом подумала, что из всей сегодняшней истории знает только несколько фактов, и ни один не даёт ей права назвать произошедшее убийством. Это раздражало. Страховая работа научила её терпеть отсутствие ответа. Жизнь после сорока, как выяснилось, не научила терпеть собственное бессилие.

Вечером позвонил Артём.

— Зоя, Сорокина пока не появлялась?

— Нет. Платье на месте. Тимур сказал, что Кравцов погиб. Это правда?

— Да. С ним разбираются. Сейчас всё, что мне нужно от тебя, — сохранность заказа и точная хронология звонков. Ничего сверх этого.

— Я не стану мешать.

— Вот это и пугает, — вздохнул он.

* * *

В половине первого Тимур уже вернулся в пекарню. Он долго отчитывался перед сотрудницей Лидой, почему на этот раз не привёз обратно термосы: распорядительница обещала отдать их завтра. Лида записала в журнале «восемь термосов», затем зачеркнула восьмёрку и поставила шесть.

— Их шесть, — сказала она. — Коробок было восемь.

— Отлично. Если бы у нас так же считали в школе, я бы закончил с отличием.

Он достал телефон и сделал фотографию страницы на случай нового спора. С пятничными выездами у него уже был опыт. Однажды заказчик уверял, что булочек не было вовсе, а через неделю требовал вернуть переплаченное за две лишние.

— Ты чего такой? — спросила Лида.

— Человек с папкой стоял возле служебной лестницы. Мы чуть не столкнулись. Тот самый, которого искали. Он был в серой куртке.

— Ты говорил с ним?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.